

Р2
Б90

Борис
БУРМИСТРОВ

НЕ РАЗЛЮБИ !..

ББК 84.3Р7
Б90

Бурмистров Б. В.

Б90 Не разлюби...: Стихи/В кассете «Не разлюби!..» Предисл. В. Махалова.— Кемеровское кн. изд-во, 1989, 71 с.

ISBN 5—7550—0051—4

ISBN 5—7550—0042—5

В стихах Б. Бурмистрова «нет особой мастеровитости, чеканности и изысканности, зато в них нет и тени жеманства, ложного украшения. Стихи его непосредственны и естественны, как сама жизнь», — написано в предисловии к этой, первой, книжке молодого сибирского литератора.

Б 4702010202—22 89
М 145(03)—89

ББК 84.3Р7

ISBN 5—7550—0051—4

ISBN 5—7550—0042—5

© Кемеровское книжное издательство, 1989

И СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Меня всегда одинаково настораживает в стихах как безудержное земное любвеобилие, так и холодный космизм чувства. И в том и в другом случае видятся мне легкость, невыстраданность, а значит — необязательность подобных сочинений. Им попросту не хочется верить.

Легко признаваться в любви ко Вселенной; ко всему сущему на земле. Гораздо труднее полюбить и понять человека, тебе в чем-то неудобного, сострадать чужому горю, разделить чью-то боль, порадоваться вместе с кем-то другим его счастью. Живая, непосредственная причастность к бедам и радостям людским — именно это качество должно быть присуще подлинной поэзии.

Борис Бурмистров, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, прошел суровую школу жизни. Каждая строка его биографии, каждое сказанное им поэтическое слово, подкреплено у него делом, своей, незаемной и далеко непростой человеческой судьбой.

Я знаю немало литераторов, особенно молодых, которые для весомости в коротких аннотациях к своим первым книжкам (пусть не без помощи редакторов, но ведь и при их авторском согласии!) пишут о том, что они работали плотогонами, коногонами, грузчиками, почтальонами, корректорами. Очевидно, при этом уповая на то, что читатель безоглядно доверится им, изучившим жизнь во всех ее самых непрестижных вариантах и незамысловатых проявлениях. Этот налет форса, сезонности, а точнее — демисезонности, биографии зачастую разрушительно сказываются не только на творчестве, но и на личности молодого литератора.

Борису Бурмистрову не надо придумывать, а тем более приукрашивать факты своей трудовой жизни, не надо перечислять рабочие профессии, которыми он владеет, и владеет действительно и всерьез. Шесть лет работы за

Полярным кругом в «престижной» должности золотоискателя и бульдозериста говорят сами за себя. Потом — несколько лет, отданных строительству молодого шахтерского города Березовского, быстрый рост по службе от производителя работ до заместителя директора завода. Все-го этого уже хватило бы на добротню прожитую человеческую жизнь.

А к этой жизни еще присоединилась поэзия. Быть может, несколько неожиданно и непредсказуемо. А еще, возможно, чуточку запоздало. Но это уже, как говорится, не исправишь, не перепишешь заново.

Вместе с поэзией пришло удивление:

Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от шумных речей
В ожидании светлого слова.
Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напитокся...

Требовательный и придирчивый читатель может посетовать на угловатость и некоторую неприбранность стихов Бориса Бурмистрова. Да, в них, действительно, нет особой мастеровитости, чеканности и изысканности, зато в них нет и тени жеманства, ложного украшательства. Стихи его непосредственны и естественны, как сама жизнь. И еще есть в них особая доверительность, открытость чувства, порою по-мальчишески неуклюжая, но при этом незаемная, до конца искренняя.

Мне не хочется предугадывать творческую судьбу молодого поэта Бурмистрова, заглядывать в его завтрашний день. Да вряд ли это возможно. Но одно для меня несомненно и ясно, что автор этой небольшой книжки несет к своему читателю душу честную, слово непридуманное, необманное.

Валентин Махалов

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...

Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий былинный
Голос предков моих.

Это все, что связало
С этим миром меня.
Это все мне с начала
После смертного дня.

* * *

Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.

Осеннее небо пугало
Печальной своей глубиной,
И зыбка пылинкой витала
В тумане меж светом и тьмой.

Казалось, что мир этот хрупкий
Рассыплется вдруг среди дня,
Но женские теплые руки
Вселяли надежду в меня.

И я привыкал понемногу
К пространству за темным окном,
Вначале пять метров к порогу...
А позже покинул и дом.

В пути постигал расстоянья,
Пространство манило, влекло,
И время земного скитанья
Так быстро бежало, текло.

То время подернуто дымкой,
Но вижу за той пеленой,
Как женщина с доброй улыбкой
Склоняется вновь надо мной,

И женские руки в надежде
Ласкают белесый мой чуб,
И я просыпаюсь, как в детстве,
И... «мама!» — срывается с губ.

* * *

Послевоенная братва —
Пилотки, звезды, гимнастерки,
И по дворам бредут слова
«Вдова, калека, похоронки...»

Хоть это было так давно —
Страданья, слезы ожидания,
Доныне светится окно,
Там, где жила вдова Наталья.

Там по соседству — инвалид
Ей бередил гармошкой душу...
Она за то его простит
В ту зимнюю и злую стужу,

Когда его в короткий гроб
Положат бабки отпевая,
Она ему окрестит лоб
И, в путь последний провожая,

Смахнет слезу и запоет,
Да так отчаянно и горько:
«...Наверно, милый мой идет,
На нем защитна гимнастерка...»

ВСТРЕЧА

Вечерело. На рейде стояли
Корабли из неведомых стран.
Неторопко ко мне на причале
Подошел молодой капитан.

— Юрка? Савин? Откуда ты взялся?
Ишь, как гордо ты выпятил грудь.
— Видишь, друг, до морей я добрался,
Хоть и долог и длинен был путь.—

Сразу всплыло далекое детство,
В землю вросший по окна барак.
И живущий тогда по соседству
Юрка, с прозвищем метким «Моряк».

Он ходил в бескозырке и хвастал,
Что, мол, дядька его — адмирал:
«Собирайся в дорогу и... баста,
По «железке» махнем за Урал.

Там до моря совсем уже близко,
Дядька нас на корабль возьмет.»
Но девчонка, соседская Лизка,
Все подслушает и разнесет...

Три рубля да на счастье подковка —
Мы ударились с другом в бега,
Дореформенная та рублевка —
Это, братцы, была ведь денюга!

Мы до моря тогда не добрались,
Нас вернули домой моряки.
И на ужин, конечно, достались
Нам не пряники, а тумачи...

С доброй грустью мы вспомнили детство,
Дорогие нам с другом места
И далекое наше соседство,
Где в те годы рождалась мечта.

— Точно и смат и — зинко смат
Тон мой смат и мат зинко смат
Двадцать смат зинко смат
Двадцать смат зинко смат
Зинко и смат зинко смат
Зинко то зинко смат
Двадцать смат зинко смат
Двадцать смат зинко смат

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,
Два окна — и тьма и свет —
Память там, а нас там нет.
Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,
Там давно уже в ночи
Холод веет от печи
И который год подряд
Молча стены голоса...

СМЕРТЬ БАБКИ

Успокоилась, руки сложила,
Отдохнуть вдруг решив среди дня,
И лицо ее будто молило:
Не будьте без дела меня.

И ходили на цыпочках дети,
И внучата молчали в углу.
Все, казалось, затихло на свете,
Только время текло по стеклу...

Отдыхает старушка, ей спится,
Знать, усталость — причина тому...
Отчего же в слезах наши лица
И так скорбно и зябко в дому.

ПИСЬМО ДЕДУ

Отправляя письмо, я ответа не жду,
Не придет он, уверен я в этом.
В том далеком теперь сорок первом году
Я расстался, не встретившись, с дедом.

Фотография в доме да надписи след
Полустертый: «До встречи, родные...»
Через много печальных и радостных лет
Я прочел эту надпись впервые.

Я прочел эти строки, запомнил слова:
«До свиданья... с победой... до встречи...»
Вот уже поседела моя голова
И сутулиться начали плечи.

Не услышал от деда я даже словца,
Вот и бабка уже на погосте,
И праправнуки шустро слетают с крыльца,
И другие приходят к нам гости.

Я пишу тебе, дед, так уж хочется мне
Поделиться и счастьем и горем...
Задержался ты что-то на клятой войне,
Все чужим где-то бродишь ты полем.

Мы живем на земле, сохраненной тобой,
На дворе снова лето. Как просто!
Светит солнце, с небес сыплет дождик слепой,
Говорят, что он нужен для роста.

Подрастут твои правнуки, дай только срок,
Разлетятся не все из-под крова...
Ты б приехал к нам летом, с покосом помог
Да с друзьями бы встретился снова.

Жив еще и здоров твой погодок—Семен,
Помнишь, тот, что с гармошкой, бедовый,
Был в соседку Марию безумно влюблен.
Он теперь лет пятнадцать как вдовый.

Изменилось село, жизнь иная идет,
Неизменной останется совесть.
Вот уже и меня внучек дедом зовет,
Продолжается времени повесть...

И у нас нынче, дед, много дел и забот —
Сохранить и сберечь все родное.
Я по адресу старому—Западный фронт—
Отправляю письмо заказное.

ОТЕЦ

Пришел с простреленной рукой,

Но, слава ветру, что живой.

От ветра дрогнула рука,

Прицел нарушив у врага.

Но страшно мне, а если б нет:

Ослаб бы ветер в тот момент

Или совсем в тот миг затих...

Не досчитался б мир двоих.

А. БЕРЕСНЕВУ

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

С. Есенин

Долгие года, да короткий век,
Борода седа, как вечерний снег,
Голова бела, будто снежный ком,
Всё дела, дела — всё бегом, бегом...
Оглянулся вдруг, притоптали след,
Далеко округ — лишь вороний бред,
Далеко вокруг замело пути.
До свиданья, друг, встреча впереди.

ДЕД ПРОШКА

Так и прожил весь век бобылем,
Видно, были причины на то:
Попрекал всех на свете рублем,
И не мог с ним ужиться никто.

А недавно — удумал же дед,
Вабудоражил родное село —
Кучу денег принес в сельсовет:
«В детский сад проведите тепло,

Мне теперь ни к чему капитал,
Сам не знаю, куда все копил...»
Отвернулся и тихо сказал:
«В детстве лиха немало хватил...»

АНОСЭ ОКАНА

Прозвучало, прозвучало в эфире,
Дорога, как светится, бела,
Плывет на волне «пятидесятых»,
В свету обрывает * * *

Мелеют Озера,
и Реки мелеют.
И главная доля в томде
нашей вины...
Проходят Века,
наши Души скудеют.
И многих порывов
уже лишены.

Мне всем, кто он предвещает,
Наша страна, наша земля,
Но ведь страна эта
Она все-таки умирала — бед.

Спускается в нас по распутию,
Все там и там и там,
И вот раздается плачу,
И вот уже первый поворот.

И вот уже поворот,
И в путь собрался народ,
И в путь в путь в путь в путь,
И в путь в путь в путь в путь.

№ 32950

Анжеро-Суджанский ЦБС
Кемеровской обл.

НАЧАЛО СЕЗОНА

Прохладно, прозрачно и звонко,
Дорога, как скатерть, бела,
Пыхтит на подъем «пятитонка»,
В снегу сбуксанула, пошла.

Сто сил лошадиных в упряжке,
Сто тысяч отдельно чертей.
И «джин капитанский» во фляжке,
От тряски становится злей.

Спешим. Вот за тем перевалом
Нас ждет незнакомый ручей:
«Там золота, братцы, навалом —
Лопатой шуруй лишь ловчей...»

Мы знаем, что он привирает,
Наш старый, испытанный «пред»,
Но деда артель понимает,
Он все-таки умница — дед.

Спускаемся вниз по распадку,
Все тише и тише мотор.
И вот разбиваем палатку,
И вот уже первый костер,

И вот уже повар хлопочет,
И в круг собрались едоки,
И джин в наших глотках хохочет:
«Чуть-чуть за приезд, мужики»,

Ведь завтра начнется работа,
Начнутся нелегкие дни,
И труд до десятого пота
Расставит все точки над «і».

БАТАГАЙ

Отменены надолго все полеты,
Над летным полем виснут облака,
И без работы — грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть — на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день — и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму господу давай!

Спешит народ: кто в Гагру, а кто в Сочи,
Висит плакат. Гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или среди ночи...»
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Пусть будет так, не стану суетиться,
Мне хорошо в избушке лубяной.
Четвертый год — вокруг родные лица,
Четвертый день — и я для них родной.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор — голос Кристалинской:
«Не улетай, родной, не улетай...»

КОНЕЦ СЕЗОНА

Скрипит шуга на Индигирке,
 Дымок над банькою — ура!
 Последний вечер — вечер стирки
 И разговоров до утра.

Ну что ж, дружище, вновь до встречи,
 Вино сладчайшее горчит,
 Сидим в кругу — прощальный вечер,
 И семиструнная бренчит.

Поют друзья про Север дальний,
 Про Колыму, про Магадан,
 У Славки слух немзыкальный,
 Но он стучит, как в барабан,

В пятиведерную кастрюлю,
 Чтобы эффект был шумовой,
 А Колька Семин — все про пулю,
 Про не вернувшихся домой.

Поют друзья, разноголосье
 Сливается в единый хор...
 И повариха — бабка Фрося
 В мужской встревает разговор:

«Спасибо, милые сыночки,
 За доброту да за привет,
 Мне б с вами дальше, да от дочки
 Куда теперь под старость лет».

И замолчала, губы сжаты,
Который год она одна,
И мы смущенно прячем взгляды,
Как будто наша в том вина,

Что пьяный муж на самосвале
Вниз с перевала, по крутой —
Разбился сам, и дочка Вали
Не стало... Век теперь одной.

Шуга скрипит, колючий ветер
Несет снега с высоких гор,
Сидим, поем в прощальный вечер,
И длится, длится разговор...

Как будто во сне пролетела весна,
Вот лето уже на исходе,
И падают капельки солнца с весла,
И речка рябит к непогоде.

И в чаще все чаще пылают костры,
И дым над рекою клубится,
Лежали пока топоры до поры,
А нынче пора потрудиться.

Готовить дрова и прорехи латать,
Добrotно трудиться, не лишь бы!
И свадьбы влюбленным пора уж играть,
И строить им новые избы.

И все это нужно, и все это в срок,
И все это вновь повторится...
И вот уже первый листок на порог
Осенним рисунком ложится.

ПОРАСНИКОС
Далеко уже до лета,
Очень близко до зимы,
Над деревнею с рассвета
Поднимаются дымы.

Топят печи, пахнет хлебом,
Сдобным, пряным и ржаным,
Высоко под самым небом
Хлебом свежим пахнет дым.

На лугах хмельные травы
Отшумели, отцвели,
Поредевшие дубравы
Тихо шепчутся вдали.

Отдых дан рукам и нивам,
Тишина тревожит слух...
И летит, летит над миром
Хлебосольный русский дух.

ПОРА СЕНОКОСА

Снова ветер летит луговой,
Над горячим асфальтом кружится.
Пахнет в городе свежей травой,
Так и хочется в травы зарыться.

Я давно не бываю в полях,
Городская судьба мне досталась,
Только помню: в зеленых краях
Так светло мне жилось и мечталось!..

Льется зелень с небесной дуги,
Распахните скорее балконы!..
Косят травы в полях мужики.
И стригут на проспектах газоны.

НАКАНУНЕ

Застыли лодки у причала,
Ледок у берега хрустит,
Река как будто одичала
И в одиночестве молчит.

И тишина над гладью сонной.
Укрыты дымкою дома,
И тянет невод многотонный
По небу хмурому зима.

Еще забывшись в полудреме,
Среди покинутых полей
Сидит на включенной соломе
Веселый ветер — снеговой.

Мороз в снега собрал всю влагу,
Все тяжелее небосклон...
И по хрустящему оврагу
Крадется зимний долгий сон.

Вот-вот замрут ручьи и реки,
Уснет под листьями трава,
И мужики — скрипят телеги —
Готовят на зиму дрова.

* * *

Говорили: зима не придет,
Обещали лишь ливни и грозы,
Но я верил, что снег упадет —
Так и есть: затрещали морозы.

Загудел под ногами бетон
И дома заскрипели уныло,
Забасил городской телефон —
От мороза, зная, горло остыло...

Еле слышно звучали слова,
Хриплый голос твердил про погоду,
Разобрал лишь... «вступает в права...»
...Да «тулупы и валенки в моду...»

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Как будто увидел впервые
Я этот ночной снегопад,
И эти дворы ледяные,
И этот сверкающий сад.

Услышал снежинок шуршанье
Среди утомленных снегов,
И сонных деревьев дыханье,
И скрип одиноких шагов.

Деревья усталые руки
Воздели к седым облакам,
И тают холодные звуки,
К моим прикоснувшись рукам...

Под эти созвучья ночные
Над городом спящим плыву,
И все это будто впервые,
А кажется — вечность живу.

Хоронили в селе пастуха,
Говорили: «Ударило громом.
А за ним никакого греха
Не водилось». И тихо над гробом
Разговоры вели мужики:
«Видно, богу угодно так было.
И ему, знать, нужны пастухи.
Без присмотра нечистая сила...»
Помолчали, и гроб понесли,
И забыли про гром и про бога...
А наутро коровы пошли,
От копыт загудела дорога.
Вышел сын пастуха Николай
И отцовским кнутом размахнулся,
Щелкнул лихо и крикнул: «Давай!»
И без злобы на стадо ругнулся.

* * *

Вначале познай глубину
Глухого степного колодца,
Познаешь потом крутизну —
Тебе с ней придется бороться.

Увидев в колодце звезду,
Не думай, что ты в поднебесье,
Вначале познай высоту
Высокого слова и песни.

Познавший величье души,
Да будь не надменного права,
Над слабыми суд не верши —
Другое дано тебе право:

Не ставить незрячим в вину
Того, что ты видишь в прозренье,
Кто духа познал глубину —
Познает высоты творенья.

* * *

Множество проб и ошибок.
Где же ты, истина, где?
Лишь отраженье улыбок
Вижу в зеркальной воде,

Взглядов лукавых скольженье,
Странная тень над рекой.
Что в этом мире движенье?
Что в этом мире покой?

Что в этом мире сомненье?
И у которой черты
Радостный миг озаренья,
Горестный миг темноты.

Кто доберется до истины,
Боль пересилив и страх...
Лица угрюмы, таинственны —
Искорки смеха в зрачках.

ТЕНЬ

Моя загадочная тень
За мною бродит целый день,
Когда средь ночи я встаю,—
Я снова вижу тень свою.
И в темноте, и в блеске дня
Она преследует меня,
Она покорна и легка,
Ее рука — моя рука...
И все так просто, вечно так:
Вот я, вот тень — гляди, чудак,
И понимай: за тенью тень
Не будет бегать целый день,
Лишь у живого тень жива,
У тени — тень всегда мертва,
Лишь непонятно до сих пор,
Чью тень с собою носит вор,
Чью тень с собою носит плут,
Быть может, тени их несут...
И я все думаю о том,
Когда покину этот дом,
Когда уйду из жизни я, —
Какою будет тень моя?

* * *

Всего-то и было две фразы:
«Прощай», «Уходи», а потом,
Как будто от страшной проказы,
Метнулась ты в каменный дом.

Лишь двери — две старые скрипки —
Скрипели в подъезде пустом,
И воздух холодный и липкий
Хватал я простуженным ртом.

Но крик мой подобен был грому.
Он в двери, он в окна стучал,
Метался то к мрачному дому,
То снова к губам прилипал.

Казалось, вот-вот повернется
Мой разум, я кану во тьму
И слово такое сорвется,
Что вылетят стекла в domu...

Но кто-то спокойно и мудро
До нас все давно рассудил,
Настало прекрасное утро,
И я все обиды забыл.

Над крышами день занимался,
И в окна стучался рассвет,
И встречным я вновь улыбался,
И мне улыбались в ответ.

* * *

Какое мне дело
до брэнного тела,
душа коль зашела,
и ввысь улетела,
душа полетела.
Никчемное тело
уже не горело,
лишь тлело и тлело...
Какое мне дело?..
Но ночь голубела,
и небо светлело,
и роща звенела...
И утром я брался
за трудное дело.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я всегда, любимая, спешил,
И теперь у твоего порога
Я тебе всю жизнь бы подарил,
Но полжизни унесла дорога.

Что жалеть, коль так нам суждено
Возвращаться, начинать сначала,
Не гляди испуганно в окно —
Это сердце громко застучало.

До поры дремавшее в груди
И теперь гремящее набатом.
Не гляди в окошко, не гляди —
Я вернулся, я с тобою рядом.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Расставанья, расстоянья —
Очень близкие слова,
От свиданья до свиданья
Побелела голова.
Сколько лет и сколько весен
Пролетело с той поры...
Нас с тобой венчает осень.
И осенние дворы
Нас встречают виновато;
Будто знают наперед:
Это время листопада
Отцветет и отойдет.
Наше позднее венчанье...
Осень.
Желтая трава.
Расставанья и свиданья —
Очень близкие слова.

На тебя я глядел сквозь стекло
 Долго, долго — глаза стеклянели,
 Там тебя обнимало тепло,
 А меня целовали метели.

Ни войти, ни уйти я не смел,
 Хоть манила иная дорога,
 Так стоял — стеклянел, леденел
 У промерзшего в доме порога.

Десять метров всего до тепла,
 Что согреет и снимет усталость.
 Вспыхнул свет — и в квадрате стекла
 Ты, как в кадре, навечно осталась.

* * *

Меня не станет на земле,
Меня волной вселенской смоем,
И где-то там, уже во мгле
Большая боль меня догонит

Последний раз, в короткий миг
Перед глазами вспыхнет лето,
И женский лик, и женский крик
Замрут на полуяви где-то...

И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает

И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает

И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает
И никто не знает

* * *

Звучит печальный вальс,
И лица, лица, лица...
Я приглашаю вас
Немного покружиться.

Вас за руку беру
И вывожу в... пространство,
Мы кружим на снегу,
Среди лесного царства.

И никого вокруг,
Лишь мы вдвоем да звезды.
Летим за другом друг,
Раскручивая версты.

И старый патефон
Готов вот-вот сломаться,
Ах, этот длинный сон...
Пора ему кончаться.

Но звезды все кружат.
И вальс печальный слышен,
И теплый снегопад
Все ниже, тише, тише...

ФАНТАЗИЯ

Падает снег. «Ну и что же?» — твердишь,
Падает снег, что ж ты, милая, спишь?
Падает медленно первый снежок —
Холодно, ветрено. В спальный мешок
Пес с головою забрался и спит,
Снег за стеною ложится, шуршит.
Ночь за окошком — ни зги, ни гу-гу,
Кошка комочком свернулась в углу.
Что же вы спите: такой снегопад —
Снежные нити, как шторы, висят,
Снежные нити в канат завяжу,
Спите покуда... сейчас разбужу.
Крышу над домом рукой подниму —
Слава сугробам! Сугробы в дому,
Снежную бабу на кухне слеплю,
Песик, дай лапу, тебя я люблю,
Должен же кто-то мне в доме помочь.
Ночь на дворе, распрекрасная ночь.
Падает снег, ну проснись же, проснись...
Слышится смех: «Поскорей оглянись,
Думаешь, в доме один фантазер...
Я уж давно разжигаю костер».

Светлая, светлая осень,

Новое время грядет,

Цвет холодами подточен,

Миг... и сейчас опадет.

Миг... и сейчас оборвется

Лист с пожелтевших небес,

Звоном в тиши отзовется —

И опечалится лес...

Сердце забьется тревожно,

Дробный прерывистый стук...

В сад мой войдет осторожно

Медно-серебряный звук.

* * *

Закружит весенняя радость,
Хмельной, опьяняющий дух,
И воздуха теплая сладость
Вливается в тело, и... вслух
Уже говорят меж собою
Ручьи, воробьи, деревья,
Наверное, только весной
Понятны природы слова...
Она оживает, смотрите,
Прислушайтесь к тихим словам,
И души свои распахните,
И дайте свободу мечтам.

* * * * *

Показаться смешным рискую,
Но о замысле не умолчу.
Нарисую тебя, нарисую —
Образ твой на лету схвачу.

Голубым набросаю цветом
Небо, речку и сказочный дом.
Обозначу тебя силуэтом
Под резным невысоким окном.

Гамму красок солью воедино —
Я с работой такой знаком.
Оживет вдруг немая картина
Под последним моим мазком.

Формы тела и чувств многогранье —
Все в едином порыве солью.
И замру, и замру в ожиданье,
Вдруг увидев улыбку твою.

Ты протянешь мне теплую руку,
Осторожно с картины шагнешь
И сквозь время, сквозь боль и разлуку
В этот мир непонятный войдешь.

Я вспомнил, что где-то оставил
 Души нерастраченный клад.
 И, против заученных правил,
 Однажды вернулся назад...

Скрипел тротуар деревянный,
 И снег под ногами скрипел,
 Я шел в этот город туманный,
 Я чудо увидеть хотел.

Я думал: врата распахнутся
 И юность коснется меня.
 О, как мне хотелось вернуться
 В мгновенья ушедшего дня...

Но, стукнувшись будто о стену,
 В морозном тумане стою,
 Куда же, куда же я дену
 Тяжелую душу свою?!

БОЛЬНИЧНОЕ

Перешагну больничное крыльцо
И попаду в объятия апреля,
И ветер свежий шибанет в лицо,
И на печи подкатит друг Емеля.

Эх, прокати, Емеля, прокати!
Да так, чтобы свистело за плечами,
Перехлестнулись снежные пути
С зелеными весенними дождями.

И ничего, что боль еще в груди.
Накручивая скорость до упора,
Гони, Емеля, родненький, гони
Подальше от больничного забора.

Мне вслед кричат о чем-то доктора...
Спешить, спешить, пока снега не тают,
Там, где гуляют сильные ветра,
Меня друзья с надеждой ожидают.

* * *

Вот и прошел я уже полпути,
Что впереди там, а что позади?

В прошлом остались нелегкие дни,
Нынче холодные светят огни.

По небу катится чья-то звезда,
Время со стуком несут поезда,

Годы в почтовом вагоне лежат,
А за окном — листопад, снегопад.

Вот уже оттепель, дождь проливной —
Все перемешано. Мчит скоростной..

Стрелочник хмурый разводит пути,
Горе и радость еще впереди.

ДИАЛОГ

- Голова светла, как, Ефим, дела?
- Голова бела, вот и все дела.
- Что же ты, Ефим, зол и нелюдим?
- Оттого и зол, что как сокол гол.
- Разве то беда, что мошна пуста?
- Ну, а что тогда в жизни не беда?
- Не беда, мой друг, коль друзья вокруг.
- Это все не то, мне б с бобром пальто.
- Только и добра, что пальто с бобра?
- Можно и ишо, жить — так хорошо.
- А чего ж, Ефим, ходишь холостым?
- А ты что мне — сват, сам-то ты богат?
- Да, богат вполне, много сил во мне.
- Все ты про одно, денег-то полно?
- Что сказать в ответ, вроде есть и нет.
- У тебя да нет, видно, врешь, поэт?
- Погляди-ка, брат, твой сосед богат.
- Ну и богатей — полон дом детей.
- Знать, оставит след на земле сосед.
- Это все слова, после хоть трава...
- Все на свой аршин меряешь, Ефим.
- Ну, а что, скажи, нужно для души?
- Как тебе сказать? Нужно жизнь познать.
- Аль я мало жил, али не тужил?
- Ах, Ефим, Ефим — ты года, как дым,
Выпустил в трубу и клянешь судьбу.
Рядом с нами жил, да не то копил,
Голова бела — вот и все дела.

МАКСИМАЛИСТ

От сих до сих
Предел его стараний,
От сих до сих —
И никаких страданий.

Оттенков нет,
Вокруг белым-черно,
На все ответ
Готов уже давно.

Так и живет
С помазанным лицом,
Лоб и живот
Окованы свинцом.

ДРУГУ ПОЭТУ

Забудется, заблудится,
Уйдет в осенний сад,
А над землею кружится
Веселый снегопад.

И с удивленьем встречные
Глядят на чудака:
«Видать, дела сердечные» —
И крутят у виска.

А он идет по городу,
И что ему тот снег,
Который красит бороду
И тает возле век.

Автобус тронет плавненько,
Его толкнет слегка.
Очнется: «Вот и славненько,
Вот и нашлась строка»...

АФРОДИТА

Эти тонкие линии рук,
Утонченные линии тела,
Каблучков выразительный стук —
Следом платье летело.

Боже! Чудо какое прошло,
Да возможно ль такое из плоти!
Знать, великое ремесло
Не иссякло в моем народе.

И углы, и квадраты домов —
Вся громада нетесаных никла,
Да откуда ж — из белых снегов
Иль из пены морской ты возникла,

Кто твои отчеканил уста,
И кто тело лепил твое в стоне?
Боже руки срывает с креста
И к тебе простирает ладони.

Да хранит тебя мать-земля,
Не оставь нас, избранница бога...
Ты спешишь, каблучками звеня.
И звенит под тобою дорога.

НОЧНЫЕ ЗВОНКИ

Звонок телефонный. И голос дрожит:
«Ответьте, реанимация?»
Да нет, не ошиблась, душа ведь болит,
Причем здесь весна, акация...
Да нет, я серьезно, давно уж больна...
...Да, да эти самые муки,
Лишилась, поверьте, покоя и сна...
Да нет же, совсем не от скуки
Я вам позвонила, хотела узнать...
...Да, да, в телефонной книге...
Что, номер не тот? Вам пора отдыхать,
Вы только сегодня из Риги.
Прекрасное место, бывала я там...
Простыли, с малиной попейте,
Ну что ж, отдохайте, спокойствия вам
И мне стало легче, поверьте...»
Вновь прыгает трубка: «Я слушаю Вас,
Да, да, это «скорой» станция.
Ну что вы, причем здесь полночный час,
Вы правы — весна, акация...»

* * *

Говорила мне близкая женщина
Не со зла, видно, так, сгоряча:
«Деревенщина ты, деревенщина —
Все привык ты рубить с плеча.

Вот сосед наш — всем женщинам нравится,
Говорит, так приятность одна.
Все для дома, для дома старается
И не пьет совершенно вина.

А в тебе никакой дипломатии,
Слово молвишь — вколотишь, как гвоздь.
Это все от твоей телепатии,
Всех ты видишь, мой милый, насквозь.

Что с того, что сосед наш ворюга,
Коли тащит, так все для семьи.
У него на столе и севрюга,
И какие-то там балыки.

Не считают рубли до получки
И не рядят: купить, не купить.
Тянут с рынка заморские штучки,
А ты все: надо честно, мол, жить.

...Не сдержался. Сказал ей: «Так ухну!
Что рассыпятся стекла в окне...»
Повернулся и двинул на кухню —
Жарить рыбу минтай на огне.

* * *

Опять дожди тиранят город,
И горизонт в тумане скрыт,
Сижу в саду (собачий холод),
А рядом женщина сидит.

Сидим, не смею молвить слова,
Боюсь движением спугнуть,
Она, мне кажется, готова
Вот-вот на веточку вспорхнуть.

«Не улетайте, заклинаю», —
Я про себя шепчу, шепчу.
Хотя совсем не понимаю,
Зачем сижу, зачем молчу?..

Все на круги свои вернется,
Уже светлеет горизонт,
И женщина сидит, смеется,
Со мною вместе солнца ждет.

* * *

Зовет апрель: гулять, гулять!
Я собираюсь молча,
Жена не хочет отпускать:
— Куда собрался ночью?

— Куда, куда? Летать хочу,
Такое вот желанье!
И коль надумал — улечу,
Сиди здесь в ожиданье.

А хочешь, чудо сотворим —
Открой скорей оконце! —
Возьмем и вместе полетим
Туда, где светит солнце!..

— Летать, да боже упаси!
Чтоб я тебя пустила. —
Жена сказала: — Свет гаси! —
И... форточку закрыла.

экоде) и экоэ * * *

Загляделся в прозрачный ручей
 И над жизнью задумался снова:
 Отдохнуть бы от шумных речей
 В ожидании светлого слова.

Как прекрасен родимый язык,
 Как он в строчки, созвучья ложится,
 Словно к чистой водице приник —
 До конца моих дней не напиться...

экоде) и экоэ * * *

экоде) и экоэ * * *

ДЕТЯМ

* * * *Свете и Сереже*

Немного имел я богатства,
Ковров, хрусталей не копил.
Спешил я в домашнее царство —
К другому богатству спешил.

Когда после дел своих трудных
Входил я в тот низенький дом,
Две пары внимательных чудных
Глазенок встречали теплом.

И не было в мире дороже,
Поверьте, не будет вовек
Богатства, что так нас тревожит
И чем дорожит человек.

И наши сомненья напрасны,
Мы в детях как совесть, как честь.
Спасибо, что так вы прекрасны,
Что вы на земле этой есть.

* * *

Мне в квартире обставленной — тесно,
То ли дело в таежной тиши:
Пень сосновый — удобное кресло,
Восседай и поэмы пиши!

Восседаю. Спасибо, природа,
За уют бесприютный такой.
На таежную жизнь нынче мода,
Надоел, видно, быт городской.

Мода модой, но что-то иное
Наяву так тревожит и в снах...
Только-только запахнет весной,
Я опять в родниковых местах.

Там, где судьбы и близких и дальних
В корни, травы навеки ушли,
Где ростки моих дум изначальных
Пробивались из отчей земли.

* * *

Как медленно время идет,
Как быстро листва опадает.
Какой на Земле нынче год —
Никто из живущих не знает.

Какой на Земле нынче день?
По внешним приметам — осенний.
На доме моем светотень
Мир делит на свет и на тени.

Как долго на свете живу?
Как долго я тень свою вижу?
Кто знает... Смотрюсь в синеву
И звуки далекие слышу.

Кто знает... Смотрюсь в синеву
И звуки далекие слышу.
Кто знает... Смотрюсь в синеву
И звуки далекие слышу.

* * * *

Скоро проклюнутся почки,
Первые листья вспорхнут,
Теплые майские ночи
В души смятенье внесут.

Что-то изменится в мире
В силе — весенний Устав,
Выйдет старик из квартиры,
Зиму в тепле переждав.

Сядет на лавочку тихо,
Скажет: «Живу еще, вот!
Только бы не было лиха
И не болел бы народ...»

Вылетит пулей из дома
Чей-то смешной карапуз,
Не испугается грома,
На уши сдвинет картуз.

Скажет: «Ну вот наконец-то
Лужи теперь все мои!..»
Время далекого детства
Вспомнилось мне в эти дни.

* * * *

Немало в жизни испытал,
За счастьем призрачным гонялся,
На Колыме искал металл,
В Находке с якоря снимался.

В Сибири строил города
И вроде б к месту прибывался,
Но путеводная звезда
Манила — снова в путь пускался.

Почти полсвета исходил,
А посчитать — так, может, больше.
И ненавидел, и любил,
Так и не понял, что же горше.

ПУТЬ

Говорили друзья: «Отдохни,
Все летаешь, летаешь, как птица».
Но бежали минуты и дни,
Замечал только руки и лица.

Выбирался из шумной толпы,
Постигая дорог постоянство,
И судьбы верстовые столбы
Вновь летели куда-то в пространство.

Говорили друзья: «Подожди,
Может, здесь твое место и дело?»
Но манили ветра и дожди
И душа от восторга звенела!

А когда вдруг решил отдохнуть,
Поглядеть, что правдиво, что ложно,
Стало ясно, что все это — путь,
Без которого жить невозможно.

2

КОЛЫМСКАЯ СЕНА

Поэма

1

Черепа, черепа — там, где были глаза —
Лишь пустоты, — вернее, глазницы,
А когда-то оттуда сбегала слеза,
Трепетали от света ресницы.
Боль когда-то стучала в виски
И от мыслей внутри было тесно...
Колыма, Колыма — золотые пески
И святое, и грешное место.

2

Не писал я про Север пока,
Не сказать, что иные заботы,
Просто долго дрожала рука
От тяжелой колымской работы.
Просто долго дремала строка,
Замирала и вновь просыпалась,
Ударяясь волной в берега,
На которых полжизни осталось...
Что о прошлом теперь мне тужить,
В те далекие трудные годы
Приходилось мне землю долбить,
Обнажать коренные породы.
И, как все, я тогда уставал,
Вспоминал я и черта и бога —
К свету, к солнцу Века поднимал,
Что ни метр — иная эпоха...
Кто там был — не осудит меня,
Знали цену мы мерзлону пуду...

А теперь мне подайте огня!
И чернила налейте в посуду.

3

От Магадана тыщу верст
На Север тянется погост,
Нет в мире кладбища длинней —
По всей дороге хруст костей...
Остановите, хоть на миг,
Поток машин, я слышу крик.
Из-под земли несется он,
Верней, не крик, а слабый стон,
Кричать устали мертвецы...
Простите, братья и отцы,
За то, что столько лет опять...
Вам не даем спокойно спать...
Молчит Колымская стена —
Где имена? Где имена?
Лишь пыль времен клубится,
Дорога вдаль бугрится.

4

Дорога вьется между скал,
Все выше, выше поднимает.
Вот и Ольчанский перевал
Нас ветром северным встречает.
Скрипят на спуске тормоза.
Автобус грязь крутую месит,
Еще каких-то полчаса —
И мы с тобою, друг, на месте.
Вольемся в новую артель,
Дороги кончатся... и тропки
Нас приведут с тобой в «отель»,
Где слева сонки, справа сонки,

Где мы с тобою много лет
Перемывать отвалы будем
И той земли далекий свет
Отыщем и подарим людям.
Отыщем множество могил
И обнажим бывшее время,
Но кто и кем при жизни был —
Узнать не скоро мы сумеем.

5

«Ольчан», «Победа», «Бурустах» —
Стоят на северных ветрах,
Здесь ветер южный — редкий гость,
От мамонта большую кость
Нашли в заброшенных местах,
И френч в георгиевских крестах,
От тачки ржавой колесо —
Все рядом, рядом.
Смерть в лицо
Глядела пристально и зло.
Холодный пот студил чело,
Когда я заступ поднимал
И об металл стучал металл,
Искали золото в горах,
Но отрывали чей-то прах —
Средь неба ясного гроза...
И снова смерть — глаза в глаза,
И слезы мертвые в глазах —
«Ольчан», «Победа», «Бурустах» —
И свет, и тени на Весах.

6

Его я встретил там, на прииске,
Он не скрывал, что бывший зек,

А нынче он (смотри прописку) —
Простой советский человек.
Работал в бане, в раздевалке,
Жил по закону «не вылазь»,
Но среди приятелей по пьянке
Шумел: «Видал я эту власть».
Никто не знал, откуда родом,
За что он много лет сидел,
А он кричал, что он с народом
Шел за идеи под расстрел,
Он говорил, а я все слушал,
Он пел, прищурив левый глаз...
И песни лагерные
Душу
Мою тревожили не раз.
И все казалось ясно, просто —
Пришлось за правду, мол, сидеть...
Но вот у дальнего погоста
Его настигла злая смерть.
Она гналась за ним давненько,
Он в страхе много лет ходил,
И бывший зэк по кличке Фенька
Ему за брата отомстил.
Так или этак
Было это,
Но я потом не раз слышал,
Что тот «дедок» ценой навета
Себе свободу покупал.
И стало ясно все, и сложно, —
Не так уж прост был этот дед...
На камне надпись: «Осторожно,
Здесь похоронен людоед».

— (улыбнулся 7 (см.)) по форме А
Простой советский работник
«Вот здесь стоял лагпункт четвертый,—
Седой старатель вспоминал.—
Начальник был калачик тертый,
Он службу рьяно исполнял,
Он говорил, что думать вредно
И ни к чему, мол, много знать,
Он человек, как есть, военный:
Прикажут — будет выполнять.
Ему плевать на все заслуги,
Коль осужден — выходит, враг».
И обмороженные руки
Несет поэт к себе в барак...
К себе в барак избитой тропкой.
И мысль одна — упасть и спать...
А конвоир бубнит с издевкой:
«Работать — не стишки писать».

8

Прошли железные машины
По тем местам, по тем крестам.
И память, будто комья глины,
Мы равнодушно тракторам
Отдали,
Кинули под траки.
И руки вымыли. Чисты...
Пускай сломали те бараки...
Ну, а кресты, зачем кресты?
Где отыскать нам прах поэта:
Лагпункт четвертый иль седьмой?..
Конец весны, начало лета,
И я с поклонной головой
Бреду знакомыми полями
И встречным кланяюсь холмам,

Остановлюсь в зеленом храме,
Дам волю вольную слезам...

9

А тот начальник, где он ныне?
Труд завершив, ушел «на дно»
И запах крови и полыни —
Забыл, наверное, давно?
Построил дачу возле моря,
Вкушает сладкие плоды.
И что ему — до той беды.
И что ему — до той беды.

10

Далекий край, суровый край,
Да разве ты виной всему?
Есть на земле и ад и рай,
Но кто вершит — куда кому?
И кто теперь припомнит всех,
Кто воскресит те имена?..
Примите, люди, этот грех,
Нам за него платить сполна.
Со всех концов земли видна —
Стоит Кремлевская стена,
От глаз людских удалена —
Лежит Колымская стена.

11

Утро в распадке, над сопками дым,
Снова костры оживают.
Друг мой сердечный, давай посидим —
Редко затишье бывает.
Друг мой далекий, давай говорить:

Сколько сказать не успели!
Мерзлую землю не просто долбить —
Мы это делать умели.
В холод, в жару, от зари до зари...
Благо, мы молоды были.
Милый мой друг, говори, говори,
Что мы припомнить забыли.
Помнишь ту зиму и тот переход,
Где полынью проглядели,
Как уходили ребята под лед —
Мы им помочь не успели.
Как мы ругали друг друга тогда,
Зубы сжимая от злости!
Разве мы знали, что снова беда
Скоро нагрянет к нам в гости?
В дальнем распадке, почти через год
Там, у крутого обрыва,
Колька-взрывник сам себя подорвет,
Нас прикрывая от взрыва.

12

Утро в распадке. Туман. Тишина.
Сопок угрюмых громада.
Я возвращаюсь из тяжкого сна,
Вижу любимую рядом:
«Милый, проснись, беспокойно ты спал,
Ишь, как подушку-то обнял».
Что же во сне я так долго искал?
Что? И нашел ли?
Да, вспомнил.
Молодость там я свою повстречал,
Старых друзей своих видел.
Милый, во сне ты так громко кричал,
Даже кого-то обидел...»

Это не горе, верней, не беда,
То, что на слово был резок.
Дальше и дальше от нас те года —
Жизни огромный отрезок.
Милой России и братьям моим
Столько досталось лиха...
Друг мой сердечный, давай помолчим.
Тихо на Родине, тихо...

СОДЕРЖАНИЕ

13

Вновь потянуло ветром южным,
Весна, весна на Колыме.
И стая чаек криком дружным
Меня встречает на корме.
И с каждым часом дальше, дальше
Престольный город Магадан.
И нет в душе ни грамма фальши,
И пуст старательский карман.
Но грусти нет — есть боль познания
Всех тех бессонных дней, ночей.
Земля любви, земля страдания,
И горькой памяти моей.
Проститься время мне настало,
Прощай, планета Колыма!
Дороже желтого металла
Твоей истории тома,
Которые, я верю, пишут.
И капля в том — моя строка...
И слышу я, как камни дышат
И память бьется в берега...

Магадан — Кемерово

СОДЕРЖАНИЕ

В. Махалов. И словом и делом	3
«И холмы и равнины...»	5
«Из прошлого высвечен сердцем»	6
Послевоенная братва	7
Встреча	8
Заброшенный дом	10
Смерть бабки	11
Письмо деду	12
Отец	14
А. Бересневу	15
Дед Прошка	16
«Мелеют Озера, и Реки мелеют...»	17
Начало сезона	18
Батагай	19
Конец сезона	20
«Как будто во сне пролетела весна...»	22
«Далеко уже до лета...»	23
Пора сенокоса	24
Накануне	25
«Говорили: зима не придет...»	26
Ночной снегопад	27
«Хоронили в селе пастуха...»	28
«Вначале познай глубину...»	29
«Множество проб и ошибок...»	30
Тень	31
«Всего-то и было две фразы...»	32
«Какое мне дело до брэнного тела...»	33
Возвращение	34
Поздняя любовь	35
«На тебя я глядел сквозь стекло...»	36
«Меня не станет на Земле...»	37
«Звучит печальный вальс...»	38
Фантазия	39

«Светлая, светлая осень...»	40
«Закружит весенняя радость...»	41
«Показаться смешным рискую»	42
«Я вспомнил, что где-то оставил...»	43
Больничное	44
«Вот и прошел я уже полпути...»	45
На новый лад	46
Диалог	47
Максималист	48
Другу поэту	49
Афродита	50
Ночные звонки	51
«Говорила мне близкая женщина...»	52
«Опять дожди тиранят город...»	53
«Зовет апрель: гулять, гулять...»	54
«Загляделся в прозрачный ручей...»	55
Детям	56
«Мне в квартире обставленной — тесно...»	57
«Как медленно время идет...»	58
«Скоро проклюнутся почки...»	59
«Немало в жизни испытал...»	60
Путь	61
Колымская стена (поэма)	62

40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62

Литературно-художественное
издание

Бурмистров Борис Васильевич

НЕ РАЗЛЮБИ!..

Стихи

В кассете «Не разлюби!..»

Редактор В. М. Баянов
Ведущий редактор Т. И. Махалова
Художник Е. Ф. Зайцев
Художественный редактор В. П. Кравчук
Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректор В. А. Волкова

ИБ № 1466

Сдано в набор 13.09.88. Подписано к печати 05.12.88. ОП00055. Формат 70X 90^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,63. Усл. кр.-отт. 3,04. Уч.-изд. л. 2,06. Тираж 3000 экз. Заказ № 4322. Цена 20 к. Цена комплекта в суперобложке 1 р.

Кемеровское книжное издательство.
Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.